

Содержание

- 6 Похвала современности
- 11 Белье
- 21 Мужская мода
- 30 Мужские шляпы
- 38 Обувь
- 46 Сапожники
- 54 Дамская мода
- 63 Короткая стрижка
- 65 Английская униформа
- 69 Ответы Адольфа Лооса
- 78 Принцип облицовки
- 88 Женщина и дом
- 95 О бережливости
- 113 В чем соль

Похвала современности

Размышляя о минувших тысячелетиях и спрашивая себя, в какое время предпочел бы жить, я отвечаю: в наше. О, я знаю, бывали, бывали веселые времена. Та или иная эпоха имела свои преимущества. И возможно, в любое время люди жили счастливее, чем в наше. Но никогда прежде они не одевались так красиво, хорошо и практично.

Одна только мысль, что мне пришлось бы по утрам облачаться в тогу и целый день, целый божий день, не снимая, таскать на себе эту драпировку, могла бы довести меня до самоубийства. Я люблю ходить, ходить, ходить, а если вдруг захандрю, вскакиваю на ходу в трамвай. И хандры как не бывало. А римляне никогда не ходили. Они везде стояли столбом. Но когда я в купальне накидываю простыню и завязываю ее узлом, она через пять минут непременно куда-то съезжает. Такой вот я нервный непоседа.

Вы скажете, Возрождение. Очень хорошо. Но в XVI веке мне пришлось бы наряжаться в шелк и бархат и выглядеть как ярмарочная обезьяна. Нет уж, увольте.

То ли дело мои шерстяные костюмы. Шерсть — исконная одежда человечества. Из нее был соткан плащ Вотана — Отца всего сущего. Театральные костюмеры красят его в красный или синий цвет, но то был шотландский плед. А ведь уже тогда встречались черные овцы, из чьей шерсти, смешанной

ловека, чья индивидуальность настолько сильна, что он уже не в состоянии выразить ее красками, перьями и изощренным покроем платья. Горе живописцу, который выражает свою индивидуальность, надевая бархатный сюртук. Такой художник признает свое бессилие.

Когда англичане захватили мировое господство, они освободились от подражаний обезьяньим нарядам, на которые их обрекли другие нации, и навязали земному шару исконную одежду. Народ Бэкона и Вильгельма Великого, народ Эйвонского Лебедя тысячами хранил верность твиду, старинной шерстяной ткани. И эта форма стала единой, стала униформой, в которой индивид может лучше всего скрыть свое богатство. Стала маской.

Это одежда англичан. Нет в мире другого народа, который может гордиться такими сильными индивидуальностями. Англия — страна, где сильная личность без имущества, бродяга с большой дороги, не изнывает в рабочем доме, но вызывает интерес и благожелательность окружающих. Где труд — не стыд и позор и тем более не честь и слава. Где каждый может чем-то заниматься или не заниматься. Где каждый волен идти по жизни своим путем. Бродяга с большой дороги — самое героическое проявление сильной индивидуальности. Иметь деньги и не работать, какой в этом героизм? Но тот, кто, не имея денег, идет по жизни безработным, — герой.

А немцы уперлись на своем. Пожалуй, Гёте был первым, кто сознательно одевался по-английски, и самая выразительная внешняя характеристика Вертера — его костюм, в котором мы нынче рисуем карикатурного Джона Буля. Но немец и сейчас упрямится. Его индивидуальность все еще выражается в странном фасоне одежды, ухищрениях кроя, рискованных галстуках. В душе немцы все одинаковы. Каждый из них ходит нынче на «Тристана», выкуривает за день свои пять сигар, утром идет на скучную службу, в стандартной ситуации произносит стандартные фразы (спросите у проституток), на сон грядущий выпивает свою порцию пива, за полночь рассказывает анекдоты о коте Микоше, после чего укладывается под бок к жене. Зато он желает оригинально одеваться и презирает стандартность англичан.

А англичанин либо спивается, либо капли в рот не берет. Театр? Шекспир и тот для одного британца — смертный грех, для другого — единственный смысл существования. Один после близости с женщиной теряет всякий вкус к сексу, другой предается самым неслыханным порокам, так что маркиз де Сад отдыхает. И все одеты одинаково.

Англичанин покупает галстук: заверните мне какой-нибудь за такую-то цену на такой-то случай.

Немец покупает галстук. То есть еще не купил, но собирается. Он спрашивает каждого знакомого, где тот приобрел свой гал-

стук. Он целыми днями бродит по переулку, от одной витрины к другой. В конце концов он берет с собой приятеля, чтобы тот помог ему сделать выбор. И потом гордится, что увеличил национальный денежный оборот на две марки.

За это время англичанин сшил бы пару туфель, написал стихотворение, выиграл целое состояние на бирже, осчастливил женщину (или сделал ее несчастной).

Пусть *чандала*, нищий из касты неприкасаемых, щеголяет штанами своего особого покроя. Королевский сын желает гулять по улицам инкогнито.

1908

Белье

Недавно я поссорился с одним знакомым. Он одобряет то, что я пишу о прикладном искусстве. Но его возмущают мои высказывания насчет моды и умения одеваться. Дескать, я собираюсь обрядить в униформу весь свет. И что тогда будет с нашими великолепными национальными костюмами!

Тут его обуял поэтический восторг. Он вспомнил свое детство, вспомнил чудесные воскресные дни в Линце, вспомнил, как селяне в праздничных нарядах и уборах шествуют в церковь. Как это великолепно, как прекрасно, как живописно! А нынче? До чего мы дожили! Только старики еще держатся за старинный наряд! А молодые, обезьяны этакие, уже подражают горожанам. Нужно вновь привить народу любовь к старинному народному костюму. В этом, дескать, и состоит миссия журналиста, пишущего о культуре.

— Значит, вам нравится старинный наряд? — перебил его я.

— Конечно.

— И поэтому вы желаете, чтобы он сохранился на вечные времена?

— Желаю всей душой!

Тут я его и подловил.

— Вот видите, — сказал я ему, — какой вы дурной, эгоистичный человек. Целое сословие, большое великолепное сословие, сословие наших крестьян, должно, по-вашему, ли-

шиться всех культурных благ. И ради чего? Ради того, чтобы вы, приехав в деревню, могли усладить свой взор их живописным убором. Почему же вы сами не разгуливаете в таком виде? Что, благодарите покорно? А от других людей требуете, чтобы они в угоду вам изображали пейзаж на лоне природы, дабы не оскорблять ваш хмельной взор литератора. Да вы хоть раз поставьте себя на их место. Изобразите Ганса-дурачка для господина коммерции советника, желающего полюбоваться первозданными Альпами. У крестьянина есть более высокая миссия, чем изображать для дачников живописную массовку на фоне гор. Крестьянин не игрушка. И поговорке этой больше ста лет.

Мне тоже очень нравятся старинные наряды. Но это отнюдь не дает мне права требовать, чтобы мой соплеменник надевал их для моего удовольствия. Национальный наряд — одеяние, застывшее в определенной форме, оно более не развивается и всегда означает, что его носитель перестал изменять свое состояние. Национальный наряд — воплощение резиньяции. Он говорит: я сдаюсь, я больше не пытаюсь занять лучшую позицию в борьбе за существование, я отказываюсь развиваться. Когда крестьянин еще смело и весело боролся, когда был полон самых радужных надежд, он вовсе не жаждал носить тот самый наряд, в каком щеголял его дед. Средние века, эпоха крестьянских войн, Возрождение не знали упрямой при-

верженности к формам одежды. Различие в одежде между горожанином и крестьянином было обусловлено только различным образом жизни. Тогда горожане и крестьяне относились друг к другу так же, как нынче горожане и фермеры.

Но потом крестьянин утратил самостоятельность. Стал крепостным. И был обречен оставаться крепостным, и он, и его дети, внуки и правнуки. Чего ради он стал бы вносить изменения в свою одежду? Чтобы выделиться одеждой, подняться над своим окружением? Это было невозможно. Крестьянское сословие превратилось в касту, а крестьянина лишили всякой надежды ее покинуть. Все народы, разделенные на касты, имеют эту общую черту — упрямую, тысячелетнюю приверженность к национальному костюму.

Потом крестьянин обрел свободу. Но только внешнюю. В глубине души он все еще ставит себя ниже горожанина. Для него горожане — это господа. Вековое крепостное рабство по-прежнему у него в крови.

Но вот приходит новое поколение. Оно объявляет войну национальному костюму. И в этой войне у него есть хорошая союзница — молотилка. Там, куда вторгается молотилка, приходит конец живописному старью. Оно отправляется туда, где ему место: в прокат маскарадных костюмов.

Бессердечные слова. Но их необходимо произнести, так как в Австрии из-за фаль-

шивой сентиментальности даже учреждаются союзы с целью сохранить за крестьянином клеймо холопства. А нам куда нужнее союзы, действующие в обратном направлении. Ведь и мы, горожане, весьма далеки от одежды, которую носят великие культурные нации. Внешне мы выгладим вполне сносно, даже можем потягаться с другими народами. Если одеваться у лучшего венского портного, можно сойти за цивилизованного европейца на лондонской, нью-йоркской или пекинской улице. Но если сбросить верхнюю одежду и, не дай бог, остаться в нижнем белье, тут же выяснится, что европейское платье мы надеваем всего лишь как маскарадный костюм, а под ним все еще носим национальный наряд.

Но или — или. Мы должны решиться. Или мы будем геройски отличаться от прочего человечества и носить национальный костюм. Или присоединимся к прочему человечеству и будем одеваться соответственно. А мы что делаем? Используя элементы одежды, доступные чужому взгляду, изображаем современного культурного человека. То есть втираем окружающим очки. Благородные люди так не поступают.

В том, что касается верхней одежды, нас отделяет от селянина целая пропасть, но наша нижняя одежда, наше белье ничем не отличается от того, что надевают в деревне. В Венгрии и сегодня носят такие же подштанники, какие испокон веку носил чикош,

конный пастух в пуште; в Вене — точно такие, какие носит крестьянин в Нижней Австрии. Так что же в нашем белье так сильно отделяет нас от остальных культурных наций?

На самом деле мы минимум на полвека отстаем от Англии, где трикотажное белье одержало полную победу над полотняным. В верхней одежде в наш век не наблюдается великих преобразований. Тем заметнее они в нижней одежде. Сто лет назад все еще были закутаны в полотно. Однако за последние сто лет англичане шаг за шагом отвоевывали для вязаного изделия его прежнюю территорию. Они продвигались вперед шаг за шагом, то есть от одной части тела к другой. Начиная с ног и поднимаясь все выше. Сейчас нижняя половина тела целиком принадлежит трикотажу, но верхняя половина еще терпит неудобную полотняную рубашку, маскирующую трикотажную майку.

Англичане начали с ног. И мы сейчас стоим на этой позиции. Мы уже не носим портянки, уже надели чулки. Но по-прежнему носим холщовые подштанники, артикул, давно вымерший в Англии и Америке.

Когда человек с Балкан, из какого-нибудь Филиппополя*, приезжает в Вену и приходит в магазин за привычными для него портянками, он слышит непостижимое сообщение:

— Портянок в продаже нет. Но их, наверное, можно сшить на заказ.

* Ныне Пловдив. (Здесь и далее примеч. пер.)

— И что же здесь носят?

— Носки.

— Носки? Но они же очень неудобны.

И летом в них слишком жарко. А портянок, значит, уже не носят?

— Носят, глубокие старики. А молодые считают неудобными портянки.

И тогда добрый человек с Балкан скрепя сердце решает произвести опыт с носками. Тем самым поднимаясь на новую ступень человеческой культуры.

Филиппополь для Вены — все равно что Вена для Нью-Йорка. Поэтому я попробовал купить в Нью-Йорке не портянки (меня бы просто не поняли), а холщовые подштанники. Пусть читатель еще раз прочтет приведенный выше диалог, заменяя «человека с Балкан» на «жителя Вены», а «портянки» на «холщовые подштанники». Именно так развивалась моя беседа с продавцом в Нью-Йорке. Я делюсь личным опытом. Историю с портянками я сочинил для того, чтобы меня правильно поняли в Вене.

Тот, кто находит, что изделия из ткани удобнее, чем трикотаж, пусть их и носит. Глупо навязывать человеку культурную форму, если она не соответствует его глубинной сути. Факт остается фактом: на высотах культуры полотно становится неудобным. Значит, нужно подождать, пока мы, австрийцы, тоже ощутим его неудобство. Занятие физическими упражнениями (мода на спорт также пришла из Англии) повле-

чет за собой неприязнь к полотняному белью. Крахмальная манишка, воротничок и манжеты мешают спорту. Мягкая манишка — предшественница отложного воротника. И обе детали имеют лишь одну цель — проложить дорогу трикотажной и фланелевой рубашке.

Впрочем, трикотажное белье таит в себе большую опасность. В сущности, оно предназначено только для тех, кто моется по собственной воле. А многие немцы рассматривают ношение трикотажного белья как охранную грамоту, освобождающую их от обязанности мыться. Ведь все изобретения, которые должны исключить стирку, идут из Германии. Из Германии пришло целлулоидное белье, фальшивый пластрон, галстук с пришивной манишкой из того же целлулоида. Из Германии происходит учение, согласно которому мытье не слишком полезно для здоровья и одну трикотажную рубашку можно носить годами — пока окружение не наложит на нее строгий запрет. Американец не представляет себе немца без ослепительно-белого, но фальшивого пластрона. Доказательством чему служит карикатура на немца, растиражированная американскими комиксами. Немца узнают по краешку пластрона, выглядывающему из-под жилетки. Если верить американской карикатуре, фальшивый пластрон носит только человек второго сорта, бродяга с большой дороги, *tramp*.

Похоже, фальшивый пластрон не является символом ангельской чистоты. Тем неприятней, что эта деталь туалета, прискорбная для культурного состояния народа, фигурирует в том отделе Выставки, где представлены наши лучшие портные. Это сводит на нет всю приличную экспозицию.

*Tailors and outfitters** — новый вид торговли. *Outfitter* держит на складе все товары, имеющие отношение к мужскому костюму. Задача у него не из легких. Он гарантирует покупателю, что любая приобретенная вещь произведет благоприятное впечатление. От солидного модного магазина мы вправе требовать, чтобы там можно было покупать вслепую, не рискуя приобрести нечто безвкусное, то есть неблагопристойное. *Outfitter* не имеет права идти на уступки широким массам. Первокласный модный магазин не имеет права ссылаться на необходимость угождать чьему-то вкусу. Не имеет права ошибаться. Если он хоть раз ошибется, то в интересах своей клиентуры обязан снять с продажи соответствующий артикул. Задача действительно не из легких. Завоевать ведущую роль в модном бизнесе трудно, но еще труднее удержаться в этой роли. И все-таки лишь ничтожная часть товаров изготавливается в ателье фирмы. *Outfitter* — по преимуществу торговец. К мастеру швейно-

* Ателье с готовой мужской одеждой, дословно «портные и продавцы готового платья» (англ.).

го ремесла он относится примерно так же, как коллекционер, директор картинной галереи к художнику. Коллекционер тоже должен выбрать лучшее из множества творений. Труд достаточно интеллектуальный, чтобы посвятить ему всю жизнь.

Приходится заявлять об этом вслух, раз меня засыпают анонимными посланиями, где обычно высказываются «подозрения», что некто, заслуживший мою похвалу, не производит свои товары. Даже если бы я считал это обстоятельство отягчающим, я бы не стал расследовать происхождение товаров. Я не детектив. Мне безразлично, где их изготовили. Главное, что коммерсант может доставить товар в данном исполнении. А есть ли у него свое ателье, или он отдает заказы на сторону, роли не играет. Я оцениваю объекты как таковые.

Превосходные товары представлены и в экспозиции производителей трикотажа. Однако напрасно искать здесь белое (единственно правильное) трикотажное белье. Как известно, и наши дамы носят сейчас белые, голубовато-белые чулки. Или в Вене только собираются их надеть?

Огорчительно, что на многочисленных экспозициях дамской моды встречается множество уже завязанных галстуков. Эти узлы примелькались даже на мужчинах. Галстук с готовым узлом или бабочкой спереди и на застежке сзади относится к категории бумажного белья и поддельных брил-

лиантов. Не говоря уже о галстуках, якобы дважды обмотанных вокруг шеи, пытающихся достичь этого прекрасного эффекта с помощью кусочка картона, обтянутого шелком, и каких-то «секретов фирмы». Наши провинциальные модники их обожают. А венские девушки и женщины используют подобные суррогаты, чтобы завязывать банты. Это означает, что знаменитый венский шик находится при последнем издыхании. Хотел бы я видеть в Вене магазин, владелец которого гордо отвечал бы каждому, кто ищет уже завязанный галстук:

— Готовый галстук? Нет! Таких не держим!

1898(?)

Мужская мода

Быть хорошо одетым. Кто бы этого не хотел? Наш век устранил сословные требования к одежде, и теперь каждый имеет право наряжаться как король. Мерилом культуры государства может служить число граждан, пользующихся этим достижением свободы. В Англии и в Америке им пользуются все, на Балканах — только десять тысяч привилегированных. А в Австрии? Я не рискую ответить на этот вопрос.

Один американский философ как-то заметил: молодой человек богат, если имеет разум в голове и хороший костюм в шкафу. Такой человек знает, что делает. Он разбирается в людях. Что толку быть семи пядей во лбу, если ты дурно одет? Никто не заметит твоего ума и таланта. Поэтому англичане и американцы требуют от каждого, чтобы он был одет хорошо.

А немцам этого мало. Они тоже хотят одеваться красиво. Стоит англичанам надеть широкие брюки, как немцы немедленно начинают им доказывать, ссылаясь то ли на старика Фишера*, то ли на золотое сечение, что широкие брюки неэстетичны и только узкие брюки могут претендовать на красоту. Немцы бושуют, бранятся и проклинаяют, а их брюки год от года становятся шире. Ах, мода такой ти-

* Фридрих Теодор Фишер, автор шеститомного труда «Эстетика, или Наука о прекрасном» (1846–1857).

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru